

УДК 111.1

**Философская категория субстанции
как смысловое ядро метафизических представлений
казанской школы академического теизма**

Бондаренко Виктория Викторовна

Кандидат медицинских наук,
доцент кафедры теологии и религиоведения,
Школа гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: bondarenko.vv@dvfu.ru

Аннотация

В статье рассмотрены методологические подходы наиболее выдающихся казанских метафизиков-теистов В.А. Снегирева и П.А. Милославского в решении вопроса о субстанции как первооснове явлений духовного и материального порядка. Концептуально дополняя друг друга, казанские философы выстраивают иерархию бытия в аспекте его внутреннего единства, где свобода, разнообразие и исключительность экзистенциальных феноменов могут быть непротиворечиво сопряжены единственно при условии признания их личного трансцендентного начала. Опираясь на эмпиризм и рационалистическую позицию, православные теисты указывают на метафизику как необходимую предпосылку естествознания, вместе с тем убедительно обосновывают ограниченность и непродуктивность позитивистского, материалистического взгляда на мир в смысле возможности его познания. Для раскрытия темы автором исследования использовались методы: исторический, источниковедческий, контекстуальный, сравнительного анализа.

Для цитирования в научных исследованиях

Бондаренко В.В. Философская категория субстанции как смысловое ядро метафизических представлений казанской школы академического теизма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 3А. С. 191-203.

Ключевые слова

Субстанция, метафизика, материя, душа, теизм, позитивизм.

Введение

Возможность рационального оправдания веры и нравственно-этических постулатов продолжает оставаться одним из наиболее востребованных направлений современной философской проблематики. Актуальность вопросов соотношения веры и разума, очевидно, не в последнюю очередь обусловлена и тем обстоятельством, что ученые, занятые исследованиями в области религиоведения, истории, психологии, философии религии снова и снова обращаясь к феномену отечественного академического теизма, призваны определить своеобразие данного направления философии и дать ему общую оценку [Гаврюшин, 2011; Леонидова, 2015; Печеранский, 2013]. Как указывают исследователи, к XIX веку на Западе уже окончательно сложилось так называемое «спекулятивное богословие», в рамках которого обосновывается тезис о совпадении предметного поля философской и богословской традиций [Поль, 2007, 18]. Таким образом закладываются существенные предпосылки для развития на российской интеллектуальной почве в ближайшей исторической перспективе (рубеж XIX – XX столетий) течения мысли, связанного с возможностью научно-философского обоснования теизма, которое с успехом продолжают и современные исследователи, характеризуя академический теизм как уникальное направление отечественной религиозной философии [Пишун, 2012; Соловьев, 2017; Стоянов, 2004].

Метафизические построения казанских теистов профессора Вениамина Алексеевича Снегирева (1842-1889) и приват-доцента Петра Алексеевича Милославского (1848-1884), объединенные проблематикой субстанциональности духовных и физических (материальных) феноменов, представляют блестящие образчики апологии религиозной философии, в которых православные мыслители отстаивают возможность научно-теоретического осмысления универсальных истин бытия, имеющих мировоззренческий характер [Милославский, 1873; Снегирев, 1891]. Эти работы во многом предопределили закономерности развития, своеобразие и уникальность собственной философской метафизической школы в стенах Казанской духовной академии [Алешковский, 1901; Дьячков, 1901; Ливанов, 1902; Бровкович, 1871].

Метафизика и категория субстанции в работах П.А. Милославского

Работа П.А. Милославского «Современное учение о субстанциях», послужившая материалом для лекционного доклада и опубликованная в 1873 году в журнале «Православный собеседник», продолжает метафизический дискурс, начатый будущим профессором Казанской духовной академии в его кандидатском сочинении с говорящим названием «О возможности распространения человеческого познания на предметы, относимые в реально-позитивной школе к области полного незнания или непостижимого», увидевшем свет в 1872 году. Вопрос о субстанции получает развитие и оригинальную трактовку в фундаментальных по своей значимости работах профессора В.А. Снегирева, посвященных изучению

реальности духовного мира человека. Это его исследования «О субстанциональности души» и «Самосознание и личность», опубликованные в 1891 году последовательно в первой и второй части журнала Харьковской духовной семинарии «Вера и разум», а также объемная «Психология», доработанная братом Вениамина Снегирева – Александром Снегиревым и вышедшая отдельным изданием после смерти автора в 1893 году.

Как указывает П. Милославский, история вопроса о первоначалах насчитывает не одно тысячелетие. И хотя, по свидетельству философа-теиста, современное естествознание решает вопрос о возможности познания сущности феноменального мира отрицательно, значимость учения о субстанциях сохраняет свою актуальность, поскольку «составляет точку отправления для всего научно-философского развития и познания человечества, и такое или другое решение его лежит в корне всякого научного исследования, будет ли оно опытным или умозрительным» [Милославский, 1873, 402].

Далее исследователь раскрывает образный ряд с целью презентации известных истории философии оригинальных подходов в решении вопроса об определении субстанции как таковой. Высказывая критические замечания по поводу содержания классических философских систем Декарта, Спинозы, Бэкона, молодой ученый апеллирует к авторитету близких ему по духу маститых современников, таких как отец современной социологии философ-идеалист Джон Стюарт Милль («Обзор философии сэра Вильяма Гамильтона и главных философских вопросов, обсужденных в его творениях», 1865), выразитель эклектического направления в философии Ипполит Тэн («Об уме и познании», 1870), а так же обращается к методологии экспериментальной деятельности, предложенной выдающимся французским физиологом Клодом Бернаром («Введение к изучению экспериментальной медицины», 1865).

Отмечая в качестве главной задачи «человеческого любомудрия» открытие сущности вещей и событий, Милославский указывает на общую тенденцию, связанную с безуспешной попыткой обнаружить неизменные и самотождественные качества бытия как с помощью эмпирического опыта, так и путем логических построений. Что касается последнего пути, по мнению теиста-метафизика, в истории философии все познаваемое логически, как правило, сводилось к высшим отвлеченным понятиям, с помощью которых делалась попытка таким образом подменить действительную субстанцию. Подобные системы оживотворялись исключительно творческим гением мыслителей, способных подняться до подобного уровня абстрагирования. Удел последователей философских школ – искусное анатомирование «трупов живой мысли» в отсутствие какой-либо надежды на возможность воскресить угасшие силы и жизнь [там же, 403].

Подводя итог обзору умозрительных попыток определить содержание термина «субстанция» и продемонстрировав, таким образом, как единственно возможные результаты позитивистского и редукционного подхода в поисках первоначал, а именно, апофатику, граничащую с агностицизмом и схоластический прием, связанный с «умножением имен», Милославский в качестве последней инстанции апеллирует к философскому дуализму,

«который через ряд веков тянется и до настоящего времени» [там же, 404]. При этом он указывает на очевидную ограниченность языческой философии по сравнению с иудео-христианской традицией, опирающейся на абсолютный авторитет: «Конечно, древние языческие философы чувствовали, а христианские знали по божественному откровению, что противоположные субстанции духа и материи примиряются в свободной воле и творческом всемогуществе единого и истинного божественного существа, но человеческий разум сам по себе никогда не мог и не может постигнуть, как и в чем совершается это примирение двух самых крайних противоположностей, какие только можно мыслить, т.е. духовного и материального» [там же].

Картезианство, определившее преимущественно аналитический характер классической научной модели, в силу методологии, имеющей дескриптивную направленность, в принципе исключает возможность и даже необходимость каких бы то ни было мировоззренческих построений, подразумевающих нечто объективное. Милославский, ссылаясь на результаты критического анализа опытного познания, проведенного Локком, резюмирует: «Опыту подлежат только субъективные явления, он доставляет знание не субстанций, а только знание наших внутренних состояний» [там же, 407].

Исследователь констатирует ситуацию, связанную с коренным поворотом не просто философской традиции в гносеологии, но человеческой ментальности в целом, когда в качестве начала всего познаваемого и мыслимого становится не константа – сущность, а переменная – вещь или событие, данные в опыте и наблюдении. Ситуация не просто парадоксальная, но драматическая, поскольку, как настаивает Милославский, это противно конституции процесса познания, самой природе нашего ума, не могущего удовлетвориться видимостью или *как* вещей и бесконечно простирающемуся постигнуть их *почему* [там же, 410]. Философ обращает внимание на вынужденные метаморфозы в семантике современных ему исследователей, которые говорят уже не о причинах, а об условиях явлений [там же, 412]. Как кажется, даже герменевтический круг не способен преодолеть «дурную бесконечность» рядов предшествующих условий, связанную с концептом детерминизма, поскольку «современное учение о субстанциях, отрицая их для познания, не в силах уничтожить их для сознания» [там же, 413]. Цитата, заимствованная у самого Бернара, созвучна заданной тональности: «Только надежда на такое познание постоянно обманывающая и постоянно возрождающаяся, поддерживает и всегда будет поддерживать в последовательных поколениях их страстный жар к изысканию истины» [там же].

Можно предположить, что по устранении понятия о субстанции, вероятно, категория физического закона в качестве обобщающего начала призвана хотя отчасти компенсировать познавательные потребности, в силу которых «... невольно, но постоянно становится и необходимость ответить определеннее на вопрос, где и в чем состоит то, что кажет нам эти вещи и события не как простую смесь и хаос, а как нечто целое...» [там же, 412]. Однако православный метафизик указывает в этом смысле на условную значимость физического

закона, хотя и неизменного, но всегда, в конечном итоге, опирающегося на гипотетический термин, данный априори, что, в конечном счете, делает условным представление «о каком бы то ни было необходимом и абсолютном детерминизме, который бы упорядочивал наше познание» [там же, 415]. Современная ситуация в науке, по мнению исследователя, характеризуется привнесением сущности в вещи таким образом, как это сопряжено с детерминизмом изучаемых явлений. При этом существование, хотя условное, определяется как самое общее свойство [там же, 417]. В этом смысле еще более внятно им формулируется вопрос, о том, что может дать опыт для определения последних оснований бытия, и так ли он необходим? Если, как в мире математических моделей, связанных с мнимыми числами, действительность предстает только как частный случай существования возможного, где элементы существования возможного представляют некоторые условия своего осуществления, недостающие в других случаях, то каким образом следует определить и элементы, и условия, в силу которых возможность становится действительностью? Итак, по свидетельству И. Тэна метафизика «не невозможна» [цит. по: там же, 418]. Милославский вместе с Тэном образно переживает момент истины, которая в силу своей природы не может быть доказана, а только показывается: «я вижу пределы своего ума, но не вижу пределов ума человеческого» [цит. по: там же, 419]. Комментируя последние выводы французского философа, философ-теист как бы взывает к прочим «думающим людям» не оставить без внимания пример гениального мыслителя, скромно засвидетельствовавшего пережитый им опыт рационального познания, приводящий всякого кропотливого и самоотверженного исследователя к реальности запредельного. Все последующее, сказанное Милославским о статусе науки как способа интеллектуального производства и исторических путях ее развития в рамках конкретной исторической модели, уже давно стало классикой христианской апологетики [6, с. 419 – 420].

Что еще представляется наиболее значимым, так это оригинальные мысли теиста-метафизика, почему математизация знания, хотя по-видимому и упрочивает его основания, но не вполне удовлетворяет требованиям человеческого духа в поисках истины. По его мнению, история точной науки подтверждает, что качественный анализ всегда предшествует количественному, поскольку «дух живое существо; он всюду ищет жизни и разумности, а не одного механизма, – причин и целей...» [там же, 420]. Связь психологии и метафизики в философской традиции как универсальное явление уже отмечена исследователями [Поль, 2007, 21]. В этом смысле, продолжая линию Платона, Декарта и Канта, Милославский репрезентативно как единственно верную в силу религиозной природы человека гносеологическую установку, направленную сверху вниз, т.е. от метафизики к физике, вопреки западной традиции позитивистской научной методологии с ее направлением снизу вверх: «... На этом стремлении постигнуть истину в качестве, в ее сущности, а не в одном количестве или ее отношениях основываются умственные и нравственные идеалы и стремления человека к вечной истине, добру и красоте, т.е. слагаются его отличительные черты, по которым он есть именно человек. ... Все же это, наконец, делает все человечество и каждого человека

вот уже более 2000 лет метафизиками...» [Милославский, 1873, 421]. Вероятно, предполагая, что существующая классическая естественнонаучная модель не является единственно возможной и исчерпывающей, философ-теист в заключение своего исследования постулирует: «Современное отрицание субстанции составляет научное предубеждение только настоящего времени» [там же].

Метафизические взгляды В.А. Снегирева

Определяя психологию как «своего рода науку естественную» [цит. по: Несмелов, 1889, 102], в интерпретации субстанциональных оснований жизни человеческого духа метафизик-философ и одновременно психолог-эмпирик профессор В.А. Снегирев использует те же логические приемы, что и его предшественник в сфере физических феноменов. Духовное и материальные начала, несмотря на известный антагонизм, объединены им одной единственной проблемой, а именно проблемой обоснования их бытия, которая одинаково в том и другом случае разрешается в области веры, пусть и научной [Снегирев, 1893, 7]. Нельзя не учитывать при этом и общность используемой в данном случае отечественными философами методологии – исключительно эмпирии и рационального подхода. Однако необходимо отметить, что это вовсе не уступка вульгарному позитивизму, а лишь последовательное стремление, так или иначе, при построении метафизической системы, в том числе психологической, остаться в поле положительного знания, которое имеет свою собственную традицию и, безусловно, самоценно. В своем пространном труде, посвященном анализу жизненного наследия учителя, ближайший ученик профессора Снегирева – В. Несмелов категорически отменяет домыслы о приверженности Вениамина Алексеевича английской психологической традиции, он указывает, что, по мнению Снегирева, свою самостоятельность как одно из направлений в естествознании психология сможет обрести только решительно размежевав физические, физиологические и психические явления, но прежде всего, метафизически обосновав субстанциональную уникальность природы духа [Несмелов, 1889, 115-116].

Новизна взглядов и мнений, новизна плана и метода в силу обширных историко-философских, научных знаний, а также исключительная требовательность по отношению к самому себе предопределили вполне самостоятельную позицию философа – теиста в только что начавшей свое становление научной отрасли психологических знаний [там же, 129-130]. Схоластический и материалистический подходы не принимались В.А. Снегиревым как возможные в строгой науке [там же, 103, 109, 112]. Душа и душевные явления человеческой личности представляли для ученого жизненную реальность, которая предполагает необходимость рассмотрения всего комплекса условий их существования как живого организма, а вовсе не «анатомирование» [там же, 111]. Отсюда и чрезвычайно избирательный подход к мнению западных психологов, капитальные труды которых рассматривались В.А. Снегиревым исключительно как рабочий материал для проверки собственной оригинальной системы

[там же, 112]. Определяя проблемное поле психологической науки, исследователь включает в него все душевные явления во всех их подробностях и видоизменениях. Ближайшей задачей ставится их описание и классификация, определение основных из них и элементарных, с тем, чтобы разложить на них более сложные. Сюда же относится необходимость исследовать условия и законы организации каждого сложного душевного явления. Завершающий этап – синтез всего содержательного строя души, начертание ее идеального образа как она дана в научном опыте – наблюдении и исследовании. Маститый комментатор подчеркивает, что это и есть пределы, дальше которых простираться психология как естественная наука не может, не превращаясь в исследование сверхопытного, умозрительного. Решение вопросов о сущности духовных явлений, о сущности и природе духа, о его субстанциональном бытии, независимом от явлений, точно так же как вопросы о существовании материи и силы, жизни, наконец – удел метафизики [там же, 115]. Однако подобное разграничение вовсе не устраняло необходимости признать субстанциональную реальность духовного начала в качестве исходного, организующего субстрата, поскольку любая попытка игнорирования данного вопроса не согласуется с классическими образчиками естественнонаучных подходов, признающих в качестве такового для мира физических явлений материю, вещество и силы, присущие им [там же, 116].

Определяя область, предмет, задачи и метод психологии как самостоятельной отрасли знания, Снегирев специально указывает на этимологию термина «психология», трактуемого как «наука о душе» [Снегирев, 1893, 3]. При этом все исторически сложившиеся представления и понятия о душе удобно сводятся им к трем радикально и существенно различным типическим формам: а) душа как отличное от тела начало в смысле гилозоистическом (тончайшая живая материя), пантеистическом (индивидуализация общего духа) или дуалистическом (особая духовная субстанция), б) душа как свойство организованного вещества (функция нервной системы), в) душа как отвлеченное понятие для некоторой совокупности однородных явлений, первая основа которых не может быть установлена в силу особенностей познавательной деятельности человека вообще [там же, 3-4]. По мнению ученого, в тесной связи с этими представлениями о собственном предмете исследования, а также основными мировоззренческими системами – спиритуализмом (идеализмом), материализмом и феноменализмом (эмпиризмом) сложились три взаимоисключающих направления или типа психологии. Оставляя открытым для обсуждения вопрос о том, что и как должна изучать психология, философ-теист считает немаловажным упомянуть, что «понимание о душе как о духовном существе подтверждается также и откровением и получает, таким образом, религиозную санкцию» [там же, 6]. С одной стороны, это существо – прямой предмет исследований психологов спиритуалистического направления. С другой стороны, хотя оно и не доступно прямому наблюдению будучи имплицитно связано с жизнью тела, данное обстоятельство не может служить формальным поводом к отрицанию его бытия как со стороны психологов-феноменалистов, так и со стороны убежденных материалистов, поскольку «материя в себе, в своем существе, так же,

как и душа – субстанция, лежит вне непосредственного восприятия и наблюдения. Естествознание потому и не начинает исследований своих с этой темной субстанции, а отправляется от несомненно данного, очевидного и потому достигает высокого научного совершенства» [там же, 7]. Таким образом в силу признания ограниченности человеческого ума непротиворечиво могут быть объединены по своему предмету в одну общую дисциплину – психологию, как казалось, прежде антагонистические направления естествознания, поскольку наука о веществе или одинаково наука о душе не есть наука о сущности вещества или наука о природе души как субстанции. Притом, по мнению Снегирева, положение, что душа есть функция нервной системы, обладая всеми недостатками представления души субстанцией, не имеет ни одного из его достоинств, а именно – всеобщего признания души субстанцией, очевидно обусловленного фактом непосредственного сознания особенности души и постоянного принуждения, вытекающего из этого чувства и сознания [там же, 8]. «Существование материалистической психологии, претендующей быть наукой о душе, есть недоразумение, результат неясного понятия о науке и научном», прямо заключает философ-теист, поскольку, по его мнению, не может быть науки о душе, начинающей с исследования физиологии и заканчивающей этими исследованиями [там же, 9].

Между тем душевные явления, каждое в отдельности и в совокупности – ощущения, мысли, идеи, чувства, желания и т.д. – реальность, наблюдаемая при определенных условиях, в том числе проявляющая себя через жизнь тела, доступны наблюдению и даже экспериментированию, подчинены закону или законам, т.е. принадлежат области научного знания. Православным теистом душа последовательно обосновывается как предмет науки и ближайшим образом эмпирической психологии, что, однако, по его мнению, не исключает необходимости преодолеть метафизический ригоризм психологов-эмпириков, дискредитирующий данное направление. В.А. Снегирев указывает на ущербность и несостоятельность такой позиции, утверждаемой вопреки классической науке с ее опорой на детерминизм: «В этом случае явление оказалось бы самосушим, мир явлений абсолютным, как явление, имеющим последнюю основу; а это очевидное логическое противоречие. Вот почему мы называли устранение из науки о душе идеи основы душевных явлений насильственным. Ввиду этого, исследователи мира материальных явлений – естествоиспытатели, в настоящее время никогда не делают такого насилия над собой и наукой... Очевидно, и исследователи явлений душевных также не могут обойтись без представления тоже какой-нибудь их основы, и только, именно, страх перед метафизикой заставляет некоторых из них делать бесплодные и отчасти нелепые усилия в этом направлении» [там же, 11].

И здесь, как кажется, со всей остротой и бескомпромиссностью, профессор-теист указывает на линию водораздела, искусственно проложенного между наукой и религией и тем самым прямо отвергающего право на истину за пределами одной-единственной концепции, а именно – материалистической. Между тем, подчеркивает Снегирев, таинственная природа и жизнь души представляет для исследователя не просто естественный, но законный и

даже обязательный интерес, поскольку в отличие от мира физических явлений, здесь наука наиболее тесно соприкасается с нравственной сферой, определяющей глубинный строй и направление человеческой жизни. Таким образом мы оказываемся у истоков полемики по вопросу о нравственных критериях в научной деятельности, по – видимому свидетельствующей о предпосылках, связанных с кризисом современного естествознания. Во всяком случае, более чем столетие, истекшее с этого момента, дает нам достаточно материала для размышления с тем, чтобы сделать единственно правильный выбор в поддержку одной из представленных позиций.

По мнению философа-теиста, каждое из существующих направлений психологии, освободившись от притязаний на истину в последней инстанции – тенденции сосредоточивать в себе всю науку о душе, нуждаются в дальнейшем развитии с последующей возможностью их объединения, но не слияния. Обосновывая субъективное, физиологическое и метафизическое направления в психологии как феноменологическое, материалистическое и спиритуалистическое представление о душе [там же, 19], В.А. Снегирев между тем замечает, что наука о душе не может безразлично относиться к общей идее основы душевных явлений, которая представляет могучую силу, определяющую весь строй, направление и смысл человеческой жизни [там же, 39]. И так, в качестве начала психологии как науки о душевных явлениях, философом-теистом поставляется идея субстанции, или особого, самостоятельного, отличного от материи существа. Вопрос о природе этого начала, по его мнению, необходимо разрешится в будущем, при постепенном исследовании самих душевных явлений и их законов. Решая им же самим поставленную задачу в том, чтобы «точно указать или определить эти явления, выделить их из всех других, как особую группу, требующую специального исследования» [там же, 50], В.А. Снегирев обращает внимание на тот очевидный факт, что основа явлений жизни также не известна науке. Философ-теист выстраивает последовательную иерархию от явлений физических к явлениям жизни как кульминационного пункта развития мирового процесса, тем самым наглядно демонстрируя возможности научного метода, а вместе с тем и особый характер душевных феноменов, предполагая, «что именно они составляют совершеннейшую и высшую форму самых явлений жизни и, следовательно, самую высшую форму бытия» [там же, 52]. Сопоставляя их с миром физическим, исследователь последовательно выделяет исключительные свойства душевных явлений, а именно: сознательность, идеальность, сверхчувственность, субъективность, неделимость и непространственность [там же, 56].

Заключение

Таким образом, согласно представлениям казанских философов-теистов, бытие души так же очевидно, как и бытие материи в силу правомерности синтетического гносеологического подхода, укорененного в универсальном представлении о субстанциональных принци-

пах бытия и его иерархичности. Психология вместе со всей отраслью естественнонаучного знания призвана преодолеть ограниченность позитивистского взгляда на мир, отрешиться от массы вульгарных стереотипов и заблуждений, а именно, оперевшись на метафизику, расширить мировоззренческие горизонты научного творчества, признать свободу и естественное право каждого на поиск внеэмпирических оснований, представляющих альфу и омегу научной деятельности.

Библиография

1. Алешковский В. Реальные основания веры в непостижимое. Казань, 1901 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10/2. № 719. 290 с.
2. Бровкович Н. Можно ли позитивным философским методом доказывать бытие чего-либо сверхчувственного – Бога, духовной бессмертной души и т.п.? // Православный собеседник, 1871. Ч. II. № 5. С. 41-111.
3. Гаврюшин Н.К. Антропология в свете гносеологии: В.А. Снегирев и В.И. Несмелов // Русское богословие. Очерки и портреты. Нижний Новгород, 2011. С. 284-294.
4. Дьячков И. Возможность богопознания. Опыт научно-философского обоснования тезиса из природы человеческого сознания. Казань, 1901 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10/2. № 749. 99 с.
5. Леонидова В.В. Предпосылки развития российской философии религии в начале XX века как единой отрасли знания // Ткачева Е.П. (ред.) Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции 31 октября 2015 г. № 7, часть V. Белгород, 2015. С. 12-23.
6. Ливанов И. Мысли В.С. Соловьева о значении богословских знаний и религиозной науки // Православный собеседник. 1902. Ч. I. С. 859-870.
7. Милославский П. Современное учение о субстанциях. (Пробная лекция по метафизике) // Православный собеседник. 1873. Ч. 2. С. 401-421.
8. Несмелов В.И. Памяти Вениамина Алексеевича Снегирева // Православный собеседник. 1889. № 5. С. 97-154.
9. Печеранский И.П. Единство религиозной веры и положительного знания в «Психологии живой личности» В. Снегирева // Религиоведение. 2013. № 4. С. 93-100.
10. Пишун С.В. Теоретические особенности формирования новой модели философствования в русской духовно-академической науке конца XIX – начала XX вв. // Актуальные проблемы изучения истории и культуры православия: сборник научных статей. Владивосток: ДВФУ, 2012. С. 182-189.
11. Поль В.А. Философский теизм в Казанской духовной академии (опыт системной реконструкции и интерпретации): дис. ... канд. филос. н. Усурийск, 2007. 175 с.

12. Снегирев В.А. О субстанциональности человеческой души // Вера и разум. 1891. Т. 2. Ч. I. С. 279-294.
13. Снегирев В.А. Психология. Систематический курс чтений по психологии. Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1893. 700 с.
14. Соловьев А.П. Философские исследования в научно-богословском журнале Казанской духовной академии «Православный собеседник» (1855 – 1912) // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 252-275.
15. Стоянов Ю.А. Гносеологические воззрения В.А. Снегирева // Вече. Альманах русской философии и культуры. 2004. № 16. С. 279-286.

The philosophical category of substance as the semantic core of the metaphysical representations of the Kazan school academic theism

Viktoriya V. Bondarenko

PhD in medical and health sciences, associate professor
of the department of theology and religious studies,
School of humanities,
Far Eastern Federal University,
690091, 8 Sukhanova st., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: bondarenko.vv@dvfu.ru

Abstract

The article considers the methodological approaches of the most outstanding Kazan metaphysicists-theists V.A. Snegirev and P.A. Miloslavsky in the solution of the question of substance as the first principle of the phenomena of spiritual and material order. Conceptually complementing each other, the Kazan philosophers build a hierarchy of being in the aspect of its internal unity, where the freedom, diversity and exclusivity of existential phenomena can be consistently linked only if their personal transcendental beginning is recognized. Relying on empiricism and a rationalist position, Orthodox theists point to metaphysics as a necessary prerequisite for natural science, while at the same time convincingly substantiate the limited and unproductive nature of the positivist, materialistic view of the world in terms of the possibility of its cognition. According to the views of the Kazan philosophers-theists, the existence of the soul is as obvious as the existence of matter due to the legitimacy of the synthetic epistemological approach rooted in the universal concept of the substantial principles of being

and its hierarchy. Psychology, together with the whole branch of natural science knowledge, is designed to overcome the limitations of the positivist view of the world, to abandon the mass of vulgar stereotypes and delusions, namely, leaning on metaphysics, widening the world-view horizons of scientific creativity, recognizing the freedom and natural right of everyone to search for non-empirical grounds representing alpha and Omega of scientific activity. To reveal the topic the author used the historical, source-study, contextual methods and comparative analysis.

For citation

Bondarenko V.V. (2017) Filosofskaya kategoriya substantzii kak smyslovoe yadro metafizicheskikh predstavlenii kazanskoi shkoly akademicheskogo teizma [The philosophical category of substance as the semantic core of the metaphysical representations of the Kazan school academic theism]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (3A), pp. 191-203.

Keywords

Substance, metaphysics, matter, soul, theism, positivism.

References

1. Aleshkovskii V. (1901) Real'nye osnovaniya very v nepostizhimoe [The real basis of belief in the incomprehensible]. In: *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National archive of the Republic of Tatarstan]. F. 10/2. № 719.
2. Brovkovich N. (1871) Mozhno li pozitivnym filosofskim metodom dokazyvat' bytie chegolibo sverkhchuvstvennogo – Boga, dukhovnoi bessmertnoi dushi i t.p.? [Is it possible to prove by the positive philosophical method the existence of something supersensible – God, spiritual immortal soul, etc.?] *Pravoslavnyi sobesednik* [Orthodox interlocutor], II (5), pp. 41-111.
3. D'yachkov I. (1901) Vozmozhnost' bogopoznaniya. Opyt nauchno-filosofskogo obosnovaniya teizma iz prirody chelovecheskogo soznaniya [Possibility of knowledge of God. The experience of the scientific and philosophical justification of theism from the human consciousness nature]. In: *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National archive of the Republic of Tatarstan]. F. 10/2. № 749.
4. Gavryushin N.K. (2011) Antropologiya v svete gnoseologii: V.A. Snegirev i V.I. Nesmelov [Anthropology in the light of epistemology: V.A. Snegirev and V.I. Nesmelov]. In: *Russkoe bogoslovie. Ocherki i portrety* [Russian theology. Essays and portraits]. Nizhnii Novgorod, pp. 284-294.
5. Leonidova V.V. (2015) Predposylki razvitiya rossiiskoi filosofii religii v nachale XX veka kak edinoini otrasli znaniya [Preconditions for the development of the Russian philosophy of religion as a single branch of knowledge].

- gion in the early twentieth century as a single branch of knowledge]. In: Tkacheva E.P. (ed.) *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii* [Modern trends in the development of science and technology], Vol. 7 (V). Belgorod, pp. 12-23.
6. Livanov I. (1902) Mysli V.S. Solov'eva o znachenii bogoslovskikh znaniy i religioznoi nauki [Thoughts of V.S. Solovyov on the importance of theological knowledge and religious science]. *Pravoslavnyi sobesednik* [Orthodox interlocutor], I, pp. 859-870.
 7. Miloslavskii P. (1873) Sovremennoe uchenie o substantsiyakh (Probnaya lektsiya po metafizike) [Modern doctrine of substances (Trial lecture on metaphysics)]. *Pravoslavnyi sobesednik* [Orthodox interlocutor], 2, pp. 401-421.
 8. Nesmelov V.I. (1889) Pamyati Veniamina Alekseevicha Snegireva [In memory of Benjamin Alekseevich Snegirev]. *Pravoslavnyi sobesednik* [Orthodox interlocutor], 5, pp. 97-154.
 9. Pecheranskii I.P. (2013) Edinstvo religioznoi very i polozhitel'nogo znaniya v "Psikhologii zhivoi lichnosti" V. Snegireva [The unity of religious faith and positive knowledge in V. Snegirev's *Psychology of the living person*]. *Religiovedenie* [Religious studies], 4, pp. 93-100.
 10. Pishun S.V. (2012) Teoreticheskie osobennosti formirovaniya novoi modeli filosofstvovaniya v russkoi dukhovno-akademicheskoi nauke kontsa XIX – nachala XX vv. [Theoretical features of the formation of a new model of philosophizing in the Russian spiritual and academic science of the late XIX – early XX centuries]. In: *Aktual'nye problemy izucheniya istorii i kul'tury pravoslaviya* [Actual problems of studying the history and culture of Orthodoxy]. Vladivostok, pp. 182-189.
 11. Pol' V.A. (2007) *Filosofskii teizm v Kazanskoj dukhovnoi akademii (opyt sistemnoi rekonstruktsii i interpretatsii)*. *Doct. Diss.* [Philosophical theism in the Kazan theological academy (experience of system reconstruction and interpretation). *Doct. Diss.*]. Ussuriysk.
 12. Snegirev V.A. (1891) O substantsional'nosti chelovecheskoi dushi [On the substance of the human soul]. *Vera i razum* [Faith and reason], 2 (I), pp. 279-294.
 13. Snegirev V.A. (1893) *Psikhologiya. Sistematicheskii kurs chtenii po psikhologii* [Psychology. A systematic course of reading on psychology]. Kharkov.
 14. Solov'ev A.P. (2017) Filosofskie issledovaniya v nauchno-bogoslovskom zhurnale Kazanskoj dukhovnoi akademii "Pravoslavnyi sobesednik" (1855-1912) [Philosophical studies in the scientific and theological journal of the Kazan theological academy "Orthodox interlocutor" (1855-1912)]. *Khristianskoe chtenie* [Christian reading], 2, pp. 252-275.
 15. Stoyanov Yu.A. (2004) Gnoseologicheskie vozzreniya V.A. Snegireva [Epistemological views of V.A. Snegirev]. *Veche. Al'manakh russkoi filosofii i kul'tury* [Veche. Almanac of Russian philosophy and culture], 16, pp. 279-286.